

Пролог I

КРЫЛЬЯ ЧЕРНЕЕ НЕБА

(Сто тридцать пять лет до начала событий книги)

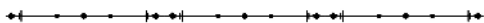
Ночь выдалась сырая и мглистая, от глубоких оврагов к деревне ползли длинные серые языки тумана, и казалось, что неведомые твари, спрятавшиеся в них, вот-вот слизнут жалкие избёнки, крытые гнилой соломой.

И от этих избёнок к затканной серой завесой чаще тянулась сейчас цепочка факелов. Прочь от околицы, амбаров и риг, от выпасов — к холму на самом краю леса, где вздымались, едва видимые во мраке, семь каменных столпов-монолитов, поставленные здесь во времена столь давние, что даже учёные-книжники, случись они здесь и услышь вопрос о возрасте капища, только развели бы руками.

Однако именно к этому холму и направлялась процессия.

И была она на удивление многочисленной для этого времени суток.

Места здесь, на границе Пустолесья, никогда не отличались миром и покоем. Шарили разбойные банды, бродили по чащам чудища, которым всё равно, лопать ли скотину или её хозяев. И чтобы хлопы вот так вот сами полезли ночью куда-то в темень? Что с ними случилось, с чего вдруг такое бесстрашие?

Впереди всех шестеро здоровенных мужиков в домотканых портках и рубахах, деловито сопя, тащили на плечах нечто, замотанное в серую же холстину, обвязанное поверх чем попало под руку — ремнями, верёвками, даже рыбацкой сетью — и отчаянно брыкающееся.

— Тише, ведьма! — Один из тащивших сунул плодовым кулаком куда пришлось. Из кокона раздался вскрик и сразу же — яростное шипение.

— Ничо, Радован, — пробасил другой носильщик. — Малёха совсем. А там к столбу, и... чуть пятки-то задымятся, враз узнает, как колдовать!

— Я не колдовала! — раздалось из глубины свёртка. — Дядя Михась! Ну дядька Михась! Ты ж меня знаешь!

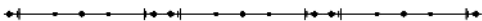
— Тоже мне, племяшка выискалась, — поспешно зачастил плечистый мужик, заговоривший с Радованом. — Ты в родню мне не лезь, отродье колдовское!.. Корову сгубила, ведьма проклятушая! Свинью супоросую извела!

— Минька малого лютой смерти предала... — вступил ещё один.

— Тащите, тащите, неча базлать здесь. Когда на костёр поставим, тогда и станем ведьме вины её перечислять.

— Именно! — вступил в разговор некто высокий и тощий, в длинном коричневом балахоне то ли местного жреца, то ли странствующего проповедника. — Зачтём ведьме преступления ея! Пусть в купели огненной, на смертном краю, покается! Пусть...

— Прости, благочинный, — перебил жреца Радован. — Пришли мы, однако.

— Гм. Верно, да, пришли, сыне. Хорошее место, чистое, намоленное. Кумиров вы в порядке содержали, молодцы, чада мои, хвалю. Мало где Богам Древним поклоняются сейчас должным образом, как у вас, — оттого и бедствия у них у всех, отступников! А ведьму — давайте её сюда, на хворост! Да привязывайте к столбу, за локти, вот так!

Монолиты украшали грубо вырезанные прямо на камне узкоглазые лики. Все — с разинутыми ртами, полными громадных зубов. Вид у этих существей никак не располагал к поклонению.

В самой середине этого круга возвышался столб, в отличие от остальных — гладкий и не серый, а какой-то словно бы закопчённый. У его подножия свалена была огромная куча дров, со всех сторон обложенная вязанками хвороста.

Именно к этому столбу шестеро носильщиков и принялись прикручивать свою хрипящую, шипящую, словно дикая кошка, ношу.

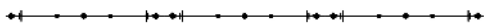
— Торопитесь, чада! Ибо ведьмы хорошо горят именно в ночную пору, отгоняя духов злых и всех существ вредоносных!

Тем временем к Семи Камням подтянулась и остальная процессия с факелами — мужчины и женщины, старики и старухи, наверное, всё население деревни.

— Готовы ли вы, чада мои? — сладким голосом осведомился жрец.

— Готовы, — многоголосым гулом ответило ему собрание.

— Снимите тогда мешок с нея! А теперь слушай, ведьма, перечень злодейств своих! — возвышая голос, с неожиданными визгливыми нотками объявил

жрец. — Ибо ты есть сосуд мерзостей иночеловеческих, сосуд ме...

Он хотел сказать что-то ещё, но в этот миг над головами толпы что-то прошелестело. Сверху словно обрушилась незримая ледяная волна, холодное дыхание зимы.

— А-а-а-а! Летит, летит! — заверещала какая-то молодка.

— Кто летит? Куда летит? — аж подскочил жрец. Споткнулся на ровном месте, взмахнул нелепо руками и выпустил факел.

Огонь потёк по хворосту, весело затрещал, устремляясь вверх, к забившейся в путах девушке.

Резкий свист крыльев. Ледяной ветер сделался режущим, люди попятились — а прямо на куче пылающего с одной стороны хвороста появилась высокая тёмная фигура, завернувшаяся в плащ, так напоминавший крылья летучей мыши.

— В чём дело, мои добрые пахари? Mes bons agriculteurs? Ce qui se passe ici? Что здесь происходит? — спросил прилетевший. Бледное лицо и ослепительно-белые зубы, белее снега. — Кого это вы тут собрались жечь на ночь глядя? Пойдите, пойдите, дайте самому догадаться — la sorcière? Ведьма? Которая, конечно же, колдовством своим портила посевы, вызывала падёж скота, выкидыши у беременных, может, даже смерти совершенно здоровых на первый взгляд детишек?

Наверное, он продолжал бы свою тираду и дальше, этот неожиданный, с небес свалившийся гость, но жрец, казалось бы, застывший с разинутым ртом и выпученными глазами, вдруг заголосил: «Сгинь! Сгинь, пропади, отродье тьмы!» — и взмахнул рукой.

То ли он что-то швырнул в костёр, то ли и впрямь обладал какой-то силой, но пламя взвилось, заревело, хворост и дрова вспыхнули мгновенно.

Связанная девушка закричала, надсаживаясь, дико.

Существо рядом с ней злобно ощерилось, зашипело.

Взмах тёмного плаща — и ремни лопнули, приговорённая ведьма кулём повалилась на руки своего спасителя.

Одним прыжком тот соскочил с груди пылающих дров, его тлеющие во многих местах одежды дымились, в тёмном разрубе рта отчётливо виднелись длинные заострённые клыки.

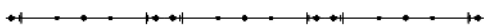
— Вомпер! — заорал кто-то из мужиков поотважнее.

Наверное, селянам следовало бы в ужасе броситься наутёк при виде эдакого страха; но в Пустолесье жил тогда народ крепкий и кряжистый, хоть и бедный, и пригнетённый трудами. Многие явились на судилище не только с факелами, а и с топорами, и с заострёнными кольями, и с вилами, и с цепями, и со всяким подобным оружием, над которым смеяться может лишь тот, кому никогда не пришлось побывать под его ударами.

Несмотря на визги и крики, перед вампиром и повисшей на нём полубесчувственной жертвой в единый миг поднялась сплошная стена — дреколье, вилы, косы, зверовые копыя-рогатины. Мужики попятились, но не побежали.

— Дружно, все! — гаркнул тот самый дядька Михась. — Со всех сторон вомпера жми!

Вампир быстро оглянулся — так быстро, что едва ли кто разглядел его движение. Почему-то он не мог перекинуться обратно в нетопыря, так и стоял, одной рукой поддерживая едва живую девушку-ведьму. Он снова

зашипел, зафыркал разъярённым котом, выставил правую руку, на которой вдруг блеснули внушительные когти.

Однако мрачные, решительные, не шибко-то боящиеся «вомпера» мужики напирали, и острия их кольев с вилами угрожающе покачивались уже в каких-то шести-семи футах.

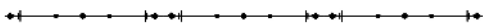
Вампир сорвался с места, крест-накрест взмахивая свободной правой рукой. Когти врезались в толстенный кол, прошли сквозь него, оставив ровный срез, но острота их сыграла с вампиром злую шутку — он не отбил крестьянское оружие в сторону, он даже не сделал его более тупым, как раз напротив.

Кол ударил ему в плечо, отбросил назад, и вампиру пришлось изворачиваться всем телом, проскальзывая под прыгнувшими ему в спину вилами. Толпа почти сомкнулась над ним; вновь мелькнули когти, закричал кто-то, оказавшийся слишком близко, и в этот миг на голову упыря со всей силой опустился увесистый цеп.

Тёмная кровь полилась потоком, но вампир словно только этого и ждал. Правая рука ухватилась за цеп, рванула на себя дерзкого бойца, и тот с огромной силой влетел грудью вперёд прямо в острия вил и рогатин. Вампир рванулся следом.

Мгновенное замешательство мужиков стоило им ещё двоих — когти вскрыли шею одному, снесли половину лица другому. Отбросив третьего, оттолкнув четвёртого, вампир расчистил себе дорогу и, перекинув ведьму через плечо, скачками бросился прочь, к тёмному, затканному туманами лесу.

За его спиной страшно кричали раненые, голосила толпа. Просвистело брошенное копьё, вонзилось в спи-

ну, — как только девушку не задело — упырь зарычал, захрипел от боли, дёрнулся, сводя лопатки чуть ли не вместе. Древко вывалилось, из раны волной выплеснулась кровь, тёмная, дымящаяся, словно земляное масло.

Он врезался в заросли, и там его преследовать уже не стали.

* * *

— Спасибо тебе! — Девушка была хороша. Как и положено, рыжая с зелёными глазами — таких в деревнях вечно подозревают в колдовстве, особенно ревнивые жёны, замечая взгляды своих мужиков, устремлённые на «рыжую-бесстыжую».

— Ne remerciez pas. Не стоит благодарности. — Вампир сидел, привалившись спиной к могучей ели. Щегольские плащ и фиолетовый камзол под ним были залиты кровью, но сами раны уже закрылись. — Я не люблю, когда казнят невинных. И тем более, когда невинных сжигают. Предубеждения, страхи, поверья... — Он поморщился.

— Тебе больно? Но... я думала... что вампиры так сильны, что...

— Ты много о нас знаешь, — попытался он улыбнуться, — для деревенской девушки...

Она пожалала плечами, зябко обхватила их руками.

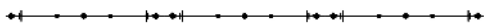
— Я не просто деревенская девушка.

— Voici comment?¹ — поднял он бровь.

— Exactement!² Что у меня общего с этими смердами? — Глаза её сузились. — Я умею читать и писать. Единственная, кроме благочинного, но он у нас не жи-

¹ Voici comment? — Вот как? (фр.)

² Exactement! — Именно так! (фр.)

вёт, а так, наездами. И, вдобавок, хоть и немного, но понимаю твой родной язык.

Вампир покачал головой, по-прежнему держась за пострадавшее плечо.

— Это не «мой родной язык», скорее уж *lingua franca* среди нас, вампиров... Но откуда ж ты тут такая взялась, рыжее и зеленоглазое чудо, что умеет читать и писать? И даже «немного понимает» наш язык?

— Ниоткуда, — зло ответила девушка. — Спроси лучше, откуда взялись книги.

— Спрашиваю. Откуда же взялись книги?

— Верить ли, нет, но ехал через наши места то ли купец, то ли книжник, то ли по книжкам купец... ехал, да только так у нас и остался. Занемог. Болел-болел и... помер, значит. Чем богат был — сельчане к рукам прибрали. А я, хоть и мала была, книги таскала.

Вампир покачал головой.

— *Incroyable*. Невероятно. Как и то, что ты совершенно меня не боишься.

— Если б ты хотел моей смерти, наверное, не стал бы спасать?

— Логично. — Он попытался улыбнуться и вновь поморщился. — Проклятье... не ожидал.

— Это столбы, — вдруг сказала рыжая. — Вернее, столпы, Столпы Древних Богов. Место силы. Вот потому-то тебе и плохо. Как тебя прозывают, кстати?

— Ле Вефревель. Гийом ле Вефревель, *à votre service*¹.

— Красиво, — позавидовала она. — Красиво тебя звать.

— Старое имя. Из Запроливья. Это где...

¹ К вашим услугам (*фр.*).

— Где Империя Креста.

— Всё-то ты знаешь, — усмехнулся он и вновь скрипел от боли.

— А я Венка. Вообще-то Венкевильяна, но можно просто Венка. Или Вилья. Давай на рану твою посмотрю.

— Да нет там... никакой раны уже, — хмыкнул вампир. — Затянуло всё. Под... кожей, внутри повреждения.

— Тот случай, когда *saracité de régénération*, то есть регенеративные способности, могут сослужить скверную службу.

Ле Вэфревель вытаращил глаза.

— Ты меня удивляешь, милсдарыня Венка или Вилья. И ты всё это узнала из тех книг?

Венка кивнула.

— Ага. Книг было много. Продать их никому не могли, никто на них не позарился. Я сперва с ними играла. Тётка радовалась, что я никому не мешаю и за мной не надо следить.

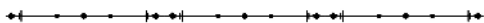
— И ты сама выучилась читать?

— Да. Там нашлась азбука. И самые разные книги. Вплоть до трудов по истории, алхимии, магии...

— Да, — помолчав, сказал вампир. — Всё это, конечно, совершенно невероятно, но... Сама освоила абзуку... Мне, похоже, очень повезло. *Chanceux!* Встретить такую, как ты, в Пустолесье! Вырвать в последний миг из костра!

— Не очень, — возразила она. — Тебя ранили в Круге Древних. И ты чувствуешь, что внутри у тебя многое сломано и не срастается, как обычно.

— Верно, — признался он. — Никогда бы не подумал, честное слово. Так бы я этих пейзан разогнал во мгновение ока...

Она опустила голову, пряча улыбку.

— Что же теперь, вампир по имени Гийом ле Вефревель?

— Здесь мы в безопасности. Подождём немного, пока я смогу лететь. Тогда я вынесу тебя в более благорасположенные к таким, как ты, места.

— Хорошо. Но я боюсь, что так просто оно не заживёт.

— Х-ха! — заносчиво бросил вампир. — Плохо ты меня знаешь, милсдарыня Венкевильяна.

* * *

— Ну, что я говорила? Совсем с тобой скверно. И с места тебе не сдвинуться.

Венка стояла, склонившись над ле Вефревелем. Вампир сидел всё так же, под той же ёлкой, но выглядел сейчас совершеннейшим трупом. Глаза его налились тёмной кровью, обернувшись настоящими провалами мрака. Ладони сделались ледяными и неожиданно тяжёлыми.

— Д-да... — вырвалось еле слышное из почерневших губ. — Д-древние... н-не... учёл... Д-даже п-простые к-колья... *Le nom du Sauveur*¹...

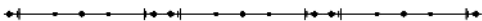
Он тяжело закашлялся, по подбородку побежала тёмная струйка.

Венкевильяна покачала головой.

— И что ж мне с тобой делать? Травки бы могла собрать какие ни есть, да только чары мои на таких, как ты, не подействуют.

— К-какие ч-чары?

¹ *Le nom du Sauveur* — имя Спасителя (*фр.*).

— Такие, — досадливо бросила она. — Думаешь, меня за одни только волосы на костёр тащили? Или за то, что мужичкам не позволяла себя по сеновалам валять? Нет, вампир. Колдовала я, волшебничала — давно уже, как только наострилась. Как только поняла, что... получаются у меня те заклятья.

— О-ох... н-ну... есть одно средство...

— Тебе нужна кровь, — спокойно сказала она. — Живая кровь, Гийом. Тогда выкарабкаешься. Но ты сейчас и котёнка не заламаешь. Скорее уж он тебя затопчет.

— Д-да... — еле выдохнул ле Вефревель.

— Ну так чего медлишь тогда? — Она с прежним спокойствием откинула с шеи волну медно-красных волос, нагнулась. — Давай, *вампер*. Делай своё дело.

Вампир замер.

— Ты... мне... сама?.. по доброй воле?

— По доброй, — сказала Венка, не меняя позы. — Ты меня спас. Долг платежом красен.

— Мерси... С-спасибо...

— Спасибить потом станешь. Давай, не жди, а то совсем окочуришься!

Она сжалась, когда ощутила болезненный укол. И закрыла глаза.

* * *

— Не удержался я, *mademoiselle*... Вилья.

Ле Вефревель стоял над корчащимся и стонущим у его ног существом, с головы до ног перемазанным кровью.

Её, существа, собственной кровью.

— Я же должен был как-то отблагодарить. А как ещё может отблагодарить истинный вампир? Только под-